

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

Из цикла "Путешествия"

* * *

Что ты видела там на пути?
В жарких странах раздолье зимой.
Канарейка лесная, прости,
мы с тобой возвратились домой!

Снова сердце выращивать нам
и скреплять его детской каймой,
разлетевшееся пополам:
здесь так холодно было зимой!

Ах, лепи ты свой домик из трав,
их оттенок весною бордов!
Знаю твой рассудительный нрав:
в ветви прячешь птенячье гнездо!

О, как мягок поддонный пушок,
целый город на ветках висит...
Извлекай золотой порошок,
как алхимик, глядящий в зенит!

Я поверю, поверю во всё,
мне любая спасительна ложь!
Та, которая ввысь вознесёт
и обугленный город спасёт
за свистульку, листочек, за грош!

За вот эту безмерную даль,
за вот эту соринку из глаз!
Там, колени сбивая, — не жаль! —
моя песня с твоєю слилась!

* * *

На жертвенном камне Кудепсты
лишь воздух — без тени, без вести!
Свивался в колечки дым алый,
и песня насквозь прорастила!
И негою пахло и страхом,
любовью, похожей на плаху.
Ну, здравствуй, глазастая вечность!
Где дым, что свивался в колечки,
мне прошлое в кожу въедалось.
Кто я для него? Капля, малость!
Обветрены губы на солнце.
Ужи заплетаются в кольца,
глаза, как у ящериц дуги,
раскрыты, разверсты в испуге!
Лесная поёт канарейка,
для них я — то ль птица, то ль змейка,
для них я — пространство для света,
ангином мается флейта.

Ты пей меня, песня в три строчки!
Что жертвенный камень пристрочен
к земле этой нашей последней,
что колокол к пряной обедне,
где рыбу пахнут в отваре
с лавровыми листьями в паре.
В одной все мы амфоре вместе
запаяны в этой Кудепсте!
Где чёрная, вязкая речка,
и солнца на волнах насечка.
О, нет, мы в пути не устали
из мира в иные скрижали,
в иные совсем параллели:
простужены ноты свирели,
где детской сюною скрепляли
ушедшие в древность печали,

на жертвенном камне Кудепсты
для сердца оставлено место!

* * *

Да, воздвигла я стены вокруг,
что прозрачнее куполов.

Ни любовник, ни враг и ни друг
ты — прохожий
вдоль вскопанных рвов!
Столб позорный да плаха, да тын —
это память устоев, устройств.
Это — праздник татарской Орды!
Это — стрелы, летящие вкось!
Кремль узорчат мой! Флаг занялся
цвета сердца, что встроен в замок.
Вот и кончилась сказочка вся,
жили-были, да выверен срок.

О, боярыня, шуба-меха
да соболя накидка в мороз!
Что не сможешь укутать в стихах,
так и будешь ты немощен, бос!
Мёртвый слог,
мёртвый сказ — не судьба!
У меня каждый сказ мой — живой,
расцвела алым сном городьба,
Стены Плача взывают — завой!

Жемчуга, сердолик и сапфир,
стаи белых парят голубей.
Есть такая война — лучшее мир!
Есть такая любовь — хоть убей!
Есть такие снега — как жара!
Войско бито. Повержена рать.
Эта битва сожгла до нутра,
победителей нам не сыскать!

В поле чистом мы рядом легли.
Проползает по камням змея...
Дух — цветной, травяной от земли
и тела в придорожной пыли.
Ты да я!

СТЕНА НЕПОНИМАНИЯ

Хватило бы на шторы полотна,
узор в оттенках по краям свинцов!
Что будет, коль рассыпется Стена?
Построится ль Садовое кольцо?

И будет ли троллейбус номер "Б"
по мостовой колёсами шуршать?
На этой старорусской городьбе
так будет ли противиться душа?

И будет люд то вишни, то цветы
на месте кладки из камней вместишь?
Где разница между "прощай-прости"?
Единство где

между "прости-прощай"?
Я этот город помню наизусть,
в середине кремль, а по бокам посад.
Терново жжёт мне кожу каждый куст
и убивает каждый снегопад!
На птичьем рынке у меня цена
два Феникса да птица Гамаюн!
...Хватило бы на шторы полотна,
прикрыть окно, где ветер свеж и юн.
Он выдул пыль кирпичную и кладь,
и он оставил нам один песок.
Троллейбус будет шинами шуршать,
вмещая по утрам людей поток!

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

Всё зарифмуется. Сравняется.
И в пыль
всё превратится. А мукa — во хлеб!
И после мной рассказанная быть
предстанет новой "Книгою судеб"!

* * *

Не названья, а куски из глины,
пальцы жаждут прикоснуться к ним
сквозь пески Олимпия, Афины,
сквозь быльё,
сквозь пудру и сквозь грим!
Словно снова у истоков мира:
тот же ветер, музыка и кров,
у холма всётас же волгло, сыро
и вино всё также до краёв!
И у всех трагедий "Еврипида"
так безумен, хоть заплачь, финал!
Девять все голов сложила гидра
так же, как мне миф разрисовал!
Так же, так же! Ни единой фальши,
ни единой лжи, лишь неба глады!
Эти стены, площади и башни
не умеют, как ни жди, солгать...
Им, впитавшим древнее искусство,
так и быть извечно во хмелю.
Это нам, не им, шестое чувство!
Правда обойдётся и пятью!
И дгня нас под тайною завесой
ящик был Пандоры приоткрыт.
Им хватало громовержца-Зевса,
Пифий, улетающих на Крит.

Пей вино, печальнейшая жрица,
в горлышке кувшина есть просвет.
Я была давно. Я буду длиться
точно также миллионы лет!

* * *

Откуда мы? Довольно мифов,
мы не потонем, не сгорим!
Ещё мы нарожаем скифов,
очередной поставим Рим!

Там будут, цепкие, качаться
дома над речкой в зыбкой мгле,

и на скамье дубовой старцы
усядутся в любви, в тепле.
Русь! Не храни себя, не надо!
Хранить от слова класть, стеречь.
Мы столько напитались яда,
что стала хлесткой наша речь.

Мы столько сделали орудий!
Мы столько нарубили стен!
Что за морями нашим судьям
вовек не разогнуть колен...
Мы — дети космоса. Нам имя —
прорусичи, мы — русло, русь,
мы изначальная русина,
мы больше викинг, чем индус!

И мы первичнее славянства,
мы старше и нам больше лет!

Фреска библейского быта

А вы нам сузили пространство
на этот скромный белый свет!
Но всё равно мы помним, помним
иной, утерянный земли
дворцы, фонтаны, колокольни,
зачем явились мы, пришли!
И для чего мы собираем
в единый, что кулак, отряд
аланов, тавров, самураев
вокруг границы сквозь набат!
Иначе кто же нам построит,
наш город-сказку возведёт?
Взамен Херсонеса и Трои,
Порт-Ройола какой народ?
Кто отчеканит на монетах
наш птичий профиль сгоряча,
восторг земли инопланетной
пока горит у нас в очах!

* * *

Ни королевая, ни прибудная,
просто старлица шла, скорбя.
И крестила она разлюбленного,
мной разлюбленного — тебя!
Так скорбела, как будто о вечности,
что закончилась на земле.
Таготила сума заплечная,
хлеб в тряпице, в пакете, в тепле.

Искупалась, как есть без обуви,
платье скинув своё без труда,
в моём сердце —
прорубленной проруби
на Крещение полным льда.
Ни прибудная, ни юродивая
эта старлица — часть меня!
Город. Площадь мощёная. Родина.
Стая волчья вблизи огня.
Ах, карету мне! Вы бы видели,
расстунитесь, честной народ,
эта старлица — часть погибели
той, которая вознесёт!
Тянут, тянут ладошки стылые —
нищих пруд пруди у ворот!
Разлюбила, как будто вырвала
из своей души без хлопот...

Моя щедрая — моя бедная!
Сколько странствовать нам ещё?
Покатилась копейка медная
округлившаяся в пяточок!
Вдоль экватора, через Грецию
на Балканские острова,
ты — разлюбленный сквозь Венецию,
что почти ни жива, ни мертва...
Пожалей этот свод закругленный,
этот мир, возвратившийся встять!
Клуб закрытый. Сценарий с дублями.
Мир, что нас принуждён спасти!

Там, под снегом, летящим набело,
крестит старлица эту тишь,
надрываясь хореями-ямбами:
"Ты услышь меня! Ты услышь!"

* * *

Звенят водой наполненные вёдра,
хрустят бока под солнцем небосвода,
и оплываю под картиной свечи.
Ты знай: я отменила нашу вечность!

Нет, не для всех,
а лишь для нас с тобой,
а не для них — что за каймой рябою,
под шкурой тучи, пахнущей овечкой.
Я забываю руки, губы, плечи...
Я неоглядной становлюсь и старше.

Я отменяю всё, что было нашим!
И не боюсь данайцев, что с дарами
стоят у церкви нищие веками
и тянут руки к сладеньким монетам.
Не будет войн, Конца не будет Света,
всё отменилось, на круги вернулось,
связались в перекрёсток нити улиц.
Над ними ворон каркнул.

Не остаётся!

Леса, луга, и город вдоль акаций.

И лишь звенят наполненные вёдра,
и отнят звук,

что наполнял мне горло,
сложились эталоны, мёды в сотах,
щемяще, безоглядно файлы стёрты!

* * *

Во мне, в моей душе,
настоянной веками,
живёт вселенский дух,

что из Всея Руси!

Малиновой грядой,
"Славянской" и полками,
живёт, как "чай", "авось",

как "Господи, спаси!"

Не вытравивши его
сочащейся заразой,
открытое окно закрой, Европа ты!

В старинном сундуке,
карманах, складах пазух,
наш дух на самом дне
ларца из бересты!

Хоть право отменяй,
хоть проводи реформы
вгвождённое в нутро,
в загадку, естество,
ни "кока-колы" сласть,
ни виноделье рома,
нет ключевой воды дороже ничего!
Какой бы ни был червь,
какой бы глени ни рвался,
фундаменты ни грыз
и корни ни срывал,
вовек не изменить
ни школы и ни класса,
такой прочнейший сплав,
космический металл!

Вот льдины на реке.
Сама река вся в дымке,
как в розовом платке
с кистями по краям.
И даже в зеркалах
качается на льдинке
огромный, как корабль,
что не потонет, храм!

А ты, попробуй, вынь,
что с запада-востока
въезжающий сюда
с ухмылкой на устах,
в Отечество моё,
в котором нет пророка,
зато царевич есть
с жар-птицей в руках!

* * *

Все жизни потратило сердце,
осталась последняя. Та,
где Дева Мария с младенцем
открыто взирает с холста.
Где флейты, где люти и скрипки.
О, мальчик мой! Сын! У плеча
молочное детство улиткой
касается нежно луга.

И голос... Так ангел в пустыне
восходит в нас краешком линий,
и медью, и охрой звуча.
Вот купол Сикстинской капеллы,
парящей в иные пределы,
пророки, сивиллы, реченье,
подростков на спиле свеченье,
и свет, что возносит свеча!
Качаю, качаю младенца!
Целую я белое тельце
и ручки целую! Родной!
Парят Микеланджело фрески
Святого Петра надо мной.
Земля от воды отделилась,
и время пересотворилось.
Терпи, о, земля золотая!
Всю эту летящую стаю,
что плескамы душу мне рвёт!
...Купанье. Беру полотенце.
Нам вместе под куполом греться
своих ежедневных забот.
Купельное полно корыто,
и фреской Библейского быта
предвечное сердце живёт!

Ольга
Дьякова

* * *
Какое короткое лето...
Грибные тайнинские сны.
Читай наизусть мне "Про это" —
Поэму великой страны.

Чужие желанные письма
Проносит вдали почтальон.
Иду к электричке сквозь пажму,
Успею в последний вагон...

Встаёт средь потоков движенья
Донской монастырь из глубин.
Под мёртвой плитой незабвенны
Спит русский философ Ильин.

Мыслитель двадцатого века
Внесён в Житие несвятых.
Пронзительный дух человека,
Врываюсь в лирический стих.

* * *
Я держу равновесие духа,
Но не скрыть лихорадочный взгляд.
Нашу встречу заметит старуха,
Оглянувшись три раза подряд.

Ты простишься
с печальной улыбкой,
Что мгновенно с лица соскользнёт.
Я бесшумно открою калитку,
Зная будущий день наперёд.

Сизый голубь сидит на карнизе,
Привнося воркованьем покой.
Облаков парфенонские фризмы
Нависают над русской рекой.

В деревянную бездну колодца
Я смотрела, как в небо глядят,
Через призму вечернего солнца,
Через россыпи звёздных олят.

Шар земной сотворён словосветом,
И ничто не превысит его.
Ты в ночи

не замедлишь с ответом:
"Я звоню не из мира сего".

ЛЕРМОНТОВУ

Красные Ворота
Ушли в гранит.
Красные Ворота,
Где жил пиит.

Красные Ворота —
В листах гравюр.
Лучшая порода
Литых фигур.

Красные Ворота
Открыты ввысь.
Пролетает тройка:
"Посторонись!..".

Красные Ворота,
Поджёмки глубь —
Чёрная работа,
Но светел путь.

Снова по Басманной
Народ рекой.
В ливнях и туманах
Стоит герой.

Каланчёвской кончен
Родной маршрут.
Мы желаем больше,
Чем нам дают.

Пыль земных обочин
В клубок свилась.

* * *
Стоять у стен родного дома
И тени наблюдать в окне.
Необъяснимая истома
Переливается во мне.
В неукротимости поэта
Иду от первого лица.
Да это просто нити лета
Прошлили сердце до конца.

Лишь ночь на исповедь способна,
А исповедь — уже шедевр.
И даже хорошо, что поздно
Стучаться в запёртую дверь.

* * *
Вторжение жизни
стремится всевластно
В магнитное красное поле стихов.
В открытом сознанье
звучит перечасье,
Царит предвселенский
таинственный зов.

Рождённое слово — как верная нота.
Немолчного сердца стучит камертон.
Всё в мире — работа,

всё в мире — работа,
Поэзия — труд с незабвенных времён.
На этом этапе включаются боги,
Твой внутренний пламень
врываётся в свет.

В небесном отечестве наши итоги
Подводит взыскующий ясный Поэт.

БЕЛОМОРЬЕ

Светлая ночь без теней
Дремлет в наплыве тумана.
Кладбище спит кораблей,
Теплится свет с океана.

Тундровый остров вдали
Призраком видится тёмным.
Рядом прошли патрули,
Ветер встречает бездомный.

Прямо на уровне глаз
Чайки летают без крика.
Всё потаённо сейчас,
Кажется — небо закрыто.

Спрятав охотничий нож,
Ты за багор ухватился.
Остров за час обойдёшь.
Остров таинственно скрылся.

* * *

Уйти, куда глаза глядят,
Не позволяет время.
Глазам души —

смотреть в поля,
Их ожиданье — немо.
Пусть сорняки синей огня
С ласкательным названьем —
Всё, что подобие рельея,
Цепляется к сознанию.

Дождей тяжёлая рука
Толкнёт в леса-болота.
Непокорённая строка
Буксует отчего-то.

И в этом — жизни волшебство,
Её долготерпенье.
И с высшей силою родство
Улавливает зреньё.

* * *

У воды — гранитные шары
Служат украшением пьедестала, —

* * *
Заснежены древние сфинксы
На страже грядущих времён.
Минуют музейные гипсы,
Навстречу идёт Аполлон.

За время его приближенья
Ускорило сердце свой стук.
И спящий Амур к удивлению
Схватился за мраморный лук.

От быющего дивного света
Смогу ли глаза отвести?
Зима превращается в лето
И льды начинают цвести.

* * *
Притормози у Бологого,
Я здесь сойду.
Я снова ввинчена в былое,
В его резьбу.

Одно окно из трёх в пространство
Бросает свет.
Здесь воздух полон постоянства
В течение лет.

Я постучу — дверь не закрыта,
Входи любой.
Хозяин встретит не сердитый,
Не деловой.

.....
И третий день уносит выюга
Избы тепло.
И два дыханья — тёплых круга
Прожгли стекло.

* * *

Можешь ждать,
когда сфинкс рассмеётся
Над высоким мученьем ума.
И ночное повадится солнце
Караулить твой сон у окна.

Из небесной казны взял все звёзды
Одиноким бессонный поэт.
Облачённому в звонкую бронзу,
Век нашёл равноценный ответ.

Сфинкс эпохи терял свои краски —
Хронос шкуру забрал, как трофей.
Улыбнись хоть гримасою адской,
Изваянье, на толпы людей.

Нашим стравленным взглядам внимаю,
Застарелой, сухойтой хандре,
Сфинкс — как пропуск

в святилище рая

Для искавших ответ о добре.

* * *

На окраине старой
Не встречает никто.
Белый снег не растает
В чёрных складах пальто.

Мимо домиков синих,
Постаревших за век,
Ты идёшь, словно сыльный,
Дорогой человек.

Постояли в охватку
Пред единой судьбой.
Ветер вырвал перчатку,
Взяв на память с собой.

Не снижая накала,
Я тебе говорю:
Камнем сердце упало
В ледяную зарю.

* * *
Змеей дожди ползли по окнам,
Картинку эту я храню,
И электричество промокло —
Сдыхало пару раз на дню.
Я думал — песенка пропета,
Но тут пришли другие сны,
Когда на нас напало лето
Без объявления весны.
Когда, сквозь кожу проникая,
Из крови жар творил желе,
А ты была тогда такая,
Что больше нету на Земле.

Ах Панама, ты наша Панама...

Михаил СИПЕР

Как узник Беломорканала,
Я был застрелен на бегу,
И твоё медленно стирало
Твои следы на берегу.
Потом — опять другое время,
Опять другие голоса,
Моё слабеющее племя
Ушло за дальние леса.
Опали ясени и липы,
Сгорев в нагрянувших боях.
Остались мне дагерротипы,
Где я и ты, где ты и я.
Пусть не в алмазе, не в корунде
Мой изваян печальный лик,
Но наша gloria, хоть мунди,
Но верю я — не транзит сик.

* * *
Ещё чуть-чуть — и Новый год.
В нём кайфу то, что — новый.
И я иду сквозь время вброд,
Весёлый и суровый.

Пока безмолвствуют низы,
В верхах — воспоминанья:
Ночь. Ветер. Холод. Лёд слезы.
И полный шарф дыханья.
А я уже не верю в снег,
В сугробов злую призму —
Согретый солнцем человек
Подтвержен снелизмом.
Я очень многое забыл,
Но что мне в той потере?
У леди Винтер тоже был
Пробел в её карьере.
Идут тяжёлые бои
На поле алфавита.
Я не молился на ночь и
Проснулся знаменитый.
И не ответит, чья вина,
И в полумраке утра
Звучит, звучит одна струна
Застенчиво и мудро?
О чём я? Да, про Новый год,
Веселие хмельное...
Ты не оглядывайся, Лот.
Иди. Чёрт с ней, с женою.

* * *

Науму Коржавину

В пустоте злого дня или плотной
бессмысленной ночи,
Между Сциллой и Харибдой сплошной слепоты
Никуда ты не мчишь.
Как мне кажется — просто не хочет.
Он вдыхает весь мир,

а взамен выдыхает мечты.

Окружающий свет непривычен

и странен, поверьте,

Это бостон-костюм,

бостон-танец и Бостон-дома.

Так устроено, что на развес

не получишь бессмертья,

Так уж всё повелось,

что по скидке не купишь ума.

Где былые друзья?

Их костлявая крепко схватила.

Лист пожухлый, опавший

по-прежнему ветром гоним...

Но свозь явную немощь

проглотит нежданная сила,

И в невольном поклоне

склоняюсь и я перед ним.

Путь неясен и скрыт,
понапрасну мы зенки таращим,
Непонятен маршрут

и для умниц и для дураков,
Но во тьме мирозданья

укажет дорогу пропащим

Свет